

ВСЕ ТАК И БЫЛО...

Вагон, в который угодил Петр, как и другие вагоны в эшелоне, был набит самыми разными людьми. Кто только сюда не попал: военнопленные и местные жители, здоровые и больные, раненые мужчины, женщины, дети, старики... Весь этот разношерстный, незнакомый доселе люд смешался, и каждый на свой лад горевал и обмозговывал свою судьбу.

Разные были люди. И так случилось, что от голода и жажды, от нестерпимого зловония и нечистот, от глухого отчаяния, до которого доводила невозможность воспротивиться унижению и произволу, — от всего этого самое худшее, что было в людях, грязной пеной поднималось наружу. Мелочная и болезненная раздражительность овладевала душами, порождая взаимную неприязнь и идиотизм эгоизма.

Поезд летит на всех парах, и люди вместе с качающимися из стороны в сторону вагонами волнами прибиваются то к одной стене, то к другой. Онемевшие ноги не удерживают равновесия. Словно пьяный, невольно наваливаешься то на

одного, то на другого, так же, как ты, ищущего покойного местечка соседа. Окна забиты — темень, духота. Невозможно ни забыться, ни уснуть, хотя давно пребываешь в дурном тумане.

И тут Петру вспомнилось все, что было в его жизни до этого проклятого вагона.

Вспомнилось какими-то бессвязными отрывками, как сонные видения. Так повернулась жизнь, что невероятный, никогда не предполагаемый кошмар и позор оказался суровой реальностью, а простая жизнь простого советского паренька теперь чудилась сказочной неправдоподобностью.

А между тем если собрать эти воспоминания в какую-то последовательность и порядок, то на память Петру приходили отрадные, до боли радостные картины прожитого, какими всегда представляются детство и юность...

Промелькнула в памяти утонувшая в зелени садов родимая деревушка Ширки, что облепила берег речки Оболянки, извивавшейся по живописным витебским перелескам и взгоркам. Неказистый крестьянский, такой родной домик. Лицо отца, всегда спокойного и рассудительного, уважаемого односельчанами Мирона Машерова... Потом нелегкая поэзия пастушьего труда, начальная школа, потом Витебск... Рабфак при Витебском пединституте. Потом сам институт. Физико-математический факультет.

В 1939 году Петр Машеров пережил много радостных событий: вступил в комсомол, получил диплом вуза и звание преподавателя физики и снова переступил порог Россонской средней школы, но не той, в которой когда-то учился сам, а соседней, и теперь уже в качестве педагога.

Два года учительства. Целыми днями Петр был в школе — уроки, опыты, физический, астрономический и фотографический кружки, доклады в Россонах и в соседних колхозах, участие в любительских спектаклях. И на все хватало и сил, и времени — молодость! Влюбленный в свое дело педагог был весь в будущем — готовился поступать в аспирантуру, готовился к научной работе, но...

Но страшное слово — война, облетевшее страну 22 июня 1941 года, вдруг все переменяло, и вместо заявления в аспирантуру Петр Машеров является к секретарю райкома партии с просьбой направить на фронт. Петра командируют в истребительный батальон, но фашисты уже прорвались далеко на восток, и вместе с группой товарищей и попавшими в окружение частями Красной Армии он намеревается про-

браться через линию фронта, чтобы потом пойти в ряды действующей армии...

Три дня и три ночи шли на восток. Но однажды, когда до фронта оставалось уже совсем близко, нос к носу столкнулись с группой немецких автоматчиков...

И началось. После допроса 70 километров гнали фашисты по жаре голодных, измученных людей. Ослабевших и оставших пристреливали.

На станции Себеж пленных, а вместе с ними всех, кто попал в лапы гитлеровцев, погрузили в товарные вагоны, забили двери и окна, и вот...

* *
*

— Буду прыгать, — тихо сказал Машеров соседу.

— Когда?

— Сейчас. Через окно!..

— Но в хвосте охранники... По вагонам, у тормозов, автоматчики...

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Я решил.

— Ну давай... Я за тобой, — поддержал сосед.

— Потом я, — отозвался третий.

С первых же слов Петра все внимание узников вагона устремилось к нему. Все смолкли, жадно вслушиваясь в слова заговорщиков.

Послышался шепот:

— Прыгать человек хочет...

— Который?

— А вон тот, длинный...

— Только не под откос, там столбы... Нужно ко второму пути, на ровное.

— Ты сразу не беги, слышь? Падай, как мешок: так ловчее...

Взвизгнула решетка на окне, заскрипели выдираемые гвозди, в вагон ворвалась струя свежего ночного воздуха. Кто-то умело выломал доски.

И люди, только что спорившие из-за каждого сантиметра, уважительно потеснились. Перед Петром открылся проход к окну.

— Дай бог тебе удачи, парень!

В душе Петра затеплела крылатая решимость. Он не видел, но очень ясно чувствовал, что лица у людей посветлели,

что люди улыбались. Улыбались и ему и сами себе, вновь обретая самое чудесное — человеческое. Каждый находил если не совет, то доброе слово и дружескими пожатиями то плеча, то руки выражал ему свою доброжелательность. Вот маленькие нежные пальцы и ладошки обхватили его сзади за шею, пригнули к себе, и, не попав в губы, где-то на щеке, соскользнув к носу, он почувствовал трепетный поцелуй. Тогда, в вихре действий, эта порывистая нежность осталась для Петра как бы неприметной, а вот теперь, спустя, считай, 20 с лишним лет, этот робкий поцелуй вдруг стал таким значимым и памятным, как все в жизни, что единственно и неповторимо.

Кто-то подставил Петру спину:

— Встань на меня, оглянись, потом уж выкладывайся наружу!

Он уже весь был на освежающем ветру, когда вдруг вспомнил: надо что-то сказать людям, хоть попрощаться. И так стало ему больно, так жаль тех, кто оставался по ту сторону окна вагона! Чувства распирали грудь, а слова не находились.

— Прощайте, братцы!.. — только и выдавил из себя Петр. — Спасибо!..
И оттолкнулся...

Все произошло так, словно это было не с ним. Будто кто-то другой упал. Песок оказался твердым как камень. Петр перевернулся на спину, снова на живот и опять на спину, чтобы укатиться от колес. Перебежал через рельсы встречного пути. И раньше, чем промчал мимо хвостовой вагон, рухнул на прохладную мякоть придорожной травы.

Сколько он пробежал — не помнит. Наконец поднялся и, прихрамывая на левую ногу (вспухла коленка), пошел вдоль насыпи, чтобы встретить двух других заговорщиков.

Шел, шел, время от времени тихо посвистывая, как условились. Никто не отвечал.

Наконец, когда встретить товарищей по неволе не осталось никакой надежды, а воздух посерел и стал прозрачней, Петр свернул в сторону, нашел копну сена, зарылся и заснул...

Девять суток понадобилось Петру, чтобы пройти через Литву и Западную Белоруссию в родные Россоны. Теперь это

девять суток и все, а в то время это поделенные на минуты и секунды девять дней и девять ночей, когда в любую из этих минут и секунд можно было ждать встречи со смертью.

И все-таки пережил Петр и эти тягостные, страшно, бесконечно длинные девять суток и 5 августа сорок первого года вернулся в родные Россоны.

Дома встретился со старым товарищем — Сергеем Петровским, тоже учителем, бывшим заведующим районным парткабинетом. Сергей рассказал другу о сложившейся обстановке, о том, что народ готов бороться с захватчиками на смерть.

— Чего же ждать? — отвечал Петр. — Надо развертывать партизанскую войну. Будем готовить людей...

Так мечтавший о мирной научной работе Петр Машеров вступил на полную опасностей и тревог тропу народного мстителя...

* * *

Сначала их было двое. Потом стало шестеро: Петр Машеров — руководитель группы, Сергей Петровский, Виктор Езутов, Полина Галанова — зубной врач, Маруся Михайловская — медсестра, Маруся Шаркова — акушерка. Все комсомольцы.

Центральная подпольная группа начала создавать свои филиалы по сельсоветам: там велась агитационная работа среди населения, разыскивались надежные люди, готовые к партизанской борьбе, собиралось оружие и боеприпасы.

Обстановка в районе к этому времени начала меняться. Из Полоцка немцы прислали в Россоны «бургомистра». До войны этот предатель работал учителем и хорошо знал Машерова и Петровского. Новый бургомистр начал подбирать волостных бургомистров, организовывать полицию.

Вызвал к себе бургомистр и Машерова. Ой как не хотелось идти к предателю, однако неяска могла вызвать подозрение, и Петр пошел.

— Я полагаю, — важно сказал бургомистр, — что вы с удовольствием согласитесь стать моим заместителем. Вы умный человек и понимаете, что Советская власть погибла. А со мной вам будут и почет, и деньги.

«Эх ты, продажная шкура!» — с презрением подумал Машеров, но удержался, не сказал этого вслух. Ссылаясь на неопытность и неумение, Петр стал отказываться от

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке